

ЗАПЕЧАТАННАЯ УГРОЗА

В Бузулукском бору ликвидируют старые опасные нефтегазовые скважины

ОБ УНИКАЛЬНОМ РЕЛИКТОВОМ БОРЕ НА ЗАПАДЕ БУЗУЛУКСКОГО РАЙОНА НАВЕРНЯКА СЛЫШАЛ КАЖДЫЙ ОРЕНБУРЖЕЦ. ТАК ЖЕ МНОГИМ ЗНАКОМА И ОГРОМНАЯ ОПАСНОСТЬ, КОТОРОЙ ПОДВЕРГАЕТСЯ ЭТОТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК.

Речь идёт о нефтяных и газовых скважинах, разбуренных много лет назад и сегодня фактически заброшенных. Ликвидацией этого страшного наследия, в соответствии с лицензионными обязательствами, занимается Нефтяная Компания «Новый Поток» (НКНП).

НАСЛЕДИЕ ХРУЩЁВСКОЙ ЭПОХИ

Ещё в 30-е годы прошлого столетия геологами были открыты крупные запасы нефти в Бузулукском районе Оренбуржья и Борском районе Самарской области. Расположены они под территорией знаменитого Бузулукского бора, ныне – национального парка, на трёх основных площадках: Могутовской, Воронцовской и Гремячевской.

Активному разбуриванию этих месторождений сразу после открытия помешала Великая Отечественная война. Но уже в 50-е годы в бор вернулись геологоразведывательные партии и началось строительство разведочных скважин.

В те годы о последствиях такого разбуривания в реликтовом сосновом лесу не особо-то и задумывались. Послевоенный СССР жил под девизом «Не нужно ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача». На востоке области стонала степь, распахиваемая в рамках освоения целины. А на западе под ударами топоров страдал лес, когда тяжёлые гусеничные тягачи тащили сквозь него бурстанки.

Активное разбуривание бора продолжалось более полутора десятков лет и резко снизилось в 1969 году, когда в Западной Сибири началось освоение крупнейшего на тот момент на планете Самотлорского месторождения. Все силы и средства страны были брошены туда, а о разработке месторождений в бору на долгие годы забыли.

Между тем, в лесном массиве остались пробуренными, по последним данным, 164 скважины. Фактически их может быть и больше, так как за десятилетия часть документации была утеряна, а часть, как оказалось впоследствии, не соответствовала реальному положению дел.

О том, какую опасность представляет старая бесхозная скважина посреди заповедного леса, говорить, как нам кажется, излишне. Риски пожаров, нефтяного и сероводородного загрязнения, попадания маслянистых выделений в воду реки Боровка – вот далеко не полный список тех угроз, что несёт наследие прошлых лет. И ликвидировать эти угрозы трудно и дорого. Скважина ведь не старый колодец, её лопатами землёй не забросать, деревянный «чопик» в устье не заколотить.

Работа компании проходит под строгим надзором со стороны экологов и инспекторов нацпарка.

Фото из архива компании

Нужны специальные технологии, современное оборудование, специалисты высочайшего уровня. Такими компетенциями обладают единицы компаний не то, что в России, но и во всём мире.

Ликвидировать фонд старых скважин в Национальном парке «Бузулукский бор» досталось НКНП.

ИСПРАВЛЯЯ ЧУЖИЕ ОШИБКИ

Подпрыгивая на кочках по лесной дороге посреди потрясающе красивого леса, «Уазик» нефтяников мчит на очередной объект. **Начальник укрупнённого нефтепромысла НКНП Алексей Вольнов** рассказывает, что при проведении работ ущерб окружающей среде стараются нанести предельный минимум.

Алексей Николаевич – опытный специалист, в нефтяной отрасли трудится уже почти 40 лет. Работал и на сложнейших месторождениях Восточной Сибири, и за рубежом – помогал осваивать нефтеносные залежи в Сирии, Йемене, Вьетнаме, Ираке, изучал работу крупнейшей энергетической компании мира Saudi Aramco, а также технологии добычи тяжёлой нефти в национальных парках Северной Америки.

И теперь именно его пригласили организовать процесс ликвидации скважин в Бузулукском бору. Ни одной лишней веточки сломать нельзя, контроль со стороны экологов и инспекторов нацпарка – жесточайший:

– Да что там веточки, чуть ли не каждую травинку заставляют пересаживать! Шутка, конечно, но если серьёзно, то да – перистый ковыль с площадок, куда встанет техника, мы аккуратно пересаживаем.

Затем вокруг старой скважины снимаются плодородный слой, всё засыпается гравием. Тут к делу подключаются специалисты «Газ-

пром газобезопасности»: их задача – изучить состояние объекта и с первых дней организовать мониторинг состояния экологической ситуации. Только после этого к работе приступают собственно нефтяники.

На гравий укладываются бентонитовые маты – специальный прочный и гибкий материал, не пропускающий воду и возможные проливы нефти. Вся техника, а также ёмкости для сбора скважинной жидкости – все стоят только на бентоните. Прямого контакта с почвой нет нигде.

– Бригады в вахтовом городке в лесу живут по две недели. И мы ничего после себя не оставляем. Даже воду с кухни, которая после мытья посуды остаётся, с санузлов – всё собираем в баки и вывозим за пределы бора на утилизацию, – объясняет Вольнов.

Алексей Николаевич показывает старую документацию, зачастую прочитать её уже невозможно, так всё затёрто:

– Многие думают, что скважина – это просто дыра в земле, проветрители буром – и нефть полилась рекой. Это не так, конечно. Скважина – сложное инженерное сооружение, как говорят нефтяники, её не бурят, а строят. Собственно бурение занимает лишь 30% объёма работ. А потом строится техническая колонна, за ней эксплуатационная колонна, цементируется устье и так далее... Каждая операция заносится в специальный журнал. Со временем история скважины вырастает в целое дело страниц на 150–200. И записи о консервации тоже должны быть. Однако на практике, когда мы начинаем изучать ситуацию на месте, иногда просто волосы дыбом встают!

Например, скважина № 15 Гремячевского месторождения. По документам 1970 года была пробурена для поиска газа, затем ликвидирована. Есть акты, что заливались цементные мосты (проще говоря, прочные бетонные «заглушки» на разной глубине,

чтобы исключить прорывы газа и нефтепроявлений). Только вблизи всё равно чувствовался запах газа. Когда нефтяники вскрыли устье и посмотрели, что в глубине, оказалось – никакого цемента нет и в помине, а скважину просто забили глиной!

Или, например, скважина № 110 Могутовского месторождения. Её вообще старые хозяева перед уходом из бора просто «законопатили» какой-то ветошью и пеньковым канатом. Понятно, что нефтяная жидкость постепенно пропитала это всё и стала просачиваться на поверхность.

РАБОТА НА ПРЕДЕЛЕ

Понимая, что доверять старым документам нельзя, бригады подрядчиков НКНП проводят капитальный ремонт каждой скважины. Работы идут и днём, и ночью: компания обещала привести исторический скважинный фонд в безопасное техническое и экологическое состояние и ликвидировать опасность в бору, и выполняет свои обязательства.

ПОДРЯДЧИКИ КОМПАНИИ ПРОВОДЯТ КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ КАЖДОЙ СКВАЖИНЫ.

– Иногда удаётся работы завершить быстро, недели за три. Но так бывает редко. Обычно приходится повозиться, а иногда задерживаемся и на несколько месяцев, – рассказывает Вольнов.

Так случилось, например, на скважине № 51 Гремячевского месторождения. В её ствол нерадивые геофизики в 70-х годах уронили прибор для измерения давления. Он в тяжёлом и прочном стальном корпусе длиной более метра. Вытащить его никак не удалось, пришлось рассверливать на большой глубине, чтобы установить цементный мост и надёжно запечатать опасный объект.

– Работы по ликвидации очень дорого стоят, иногда десятки миллионов рублей на скважину, а нередко и дороже. Плюс транс-

порт, плюс потом рекультивация земель, – объясняет специалист.

Когда работы заканчиваются, бентонитовые маты сворачивают, снимают гравий и укладывают на место плодородный слой. «Запечатанная» скважина и территория вокруг сдаются инспекторам национального парка. Отработанные материалы вывозят на утилизацию на спецполигон в Самарскую область. От бывлой опасной скважины остаётся только бетонная тумба с табличкой. А ещё через несколько месяцев всё вокруг уже зарастает травой и молодой лесной порослью: природа восстанавливает то, что так неосторожно полвека назад испортил человек.

Параллельно с этим убирают нефтяники и так называемые шламовые амбары. В 60–70-х годах, когда бурили в бору, старый бурраствор, трубы, мусор и прочие отходы сваливали, грубо говоря, в большую яму рядом – и затем бульдозером засыпали это всё землёй. Инспекторы национального парка обращали внимание, что из такого амбара выступают нефтяные пятна.

И хотя в лицензионных обязательствах ликвидация амбаров не значилась, попросили инвесторов найти средства «прибрать» за бывшими хозяевами и это безобразия.

– Мы уже завершили работы по переликвидации и переконсервации большей части скважин и ликвидировали три шламовых амбара. До конца октября должны пройти ещё шесть скважин. Таким образом, программа по приведению скважин исторического фонда в техническое исправное и экологическое безопасное состояние будет полностью выполнена до конца 2020 года, и на наших лицензионных участках не останется ни одной из них, – подчеркнул **генеральный директор НКНП Степан Асаулов.**

Сергей ЧИРКОВ